

СОДЕРЖАНИЕ

А. Север. Вместо предисловия 6

От автора 13

Часть первая. ШПИОНАЖ В ПОЛЬЗУ ВОЙНЫ

Годы учебы 14

Рекогносцировка в джунглях разведывательной службы . . 33

Руководитель реферата Швейцария — Лихтенштейн . . . 64

Куда идешь, германский рейх? 91

Часть вторая. РАЗВЕДКА В ПОЛЬЗУ МИРА

Путь найден 121

Я поступаю в организацию Гелена 149

Программа «Юно» 170

В «лагере святого Николауса» 176

Гелен против Йона 182

Система семейственности 196

Военный шпионаж 204

и дело полковника в отставке фон Бонина 204

Поездка Аденауэра в Москву 219

Вывеска меняется — фирма остается 226

Шпионаж БНД внутри страны 250

Тайная война против социализма 264

Мои операции 268

«Дружественные» службы 291

Неоколониализм секретной службы 312

Арест, допрос, тюремное заключение 317

Наконец и окончательно дома 348

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В 1969 году одного «тайного информатора Кремля» обменяли на 21 агента американской и западногерманской разведок. В истории «холодной войны» это был самый «дорогой» обмен. Хотя ничего удивительного в этом не было. Хайнц Фельфе работал в разведывательном ведомстве ФРГ и, в соответствии с докладом ЦРУ, передал советской разведке более чем 15 тыс. документов и выдал 100 агентов ЦРУ. Через него проходили предназначенные для канцлера доклады БНД по перевооружению, внешней политике и вопросам НАТО. В 1955 году во время визита канцлера ФРГ Конрада Аденауэра советская сторона получила от Фельфе цель визита и тактику переговоров дипломатов Германии. Единственным условием разведчика советской стороне было то, что ни один агент, о котором КГБ узнает с помощью Фельфе, не должен быть арестован. Благодаря Хайнцу Фельфе советская разведка не имела ни единого провала в ФРГ.

Герой «тайной войны» родился 18 марта 1918 года в Дрездене в семье сотрудника германской полиции.

Был призван в армию, принял участие в боевых действиях на территории Польши, но в середине сентября 1939 года попал в госпиталь с воспалением легких. После тяжелой болезни был демобилизован по состоянию здоровья.

Получив среднее образование в 1941 году и успешно выдержав отборочный экзамен, был зачислен в штат охранной полиции в системе Главного управления импер-

ской безопасности (РСХА). Затем его откомандировали на учебу на юридический факультет Берлинского университета. Кроме лекций на факультете он посещал еще курсы по подготовке комиссаров уголовной полиции. После их завершения, не окончив университетского курса, был направлен на работу в уголовную полицию родного Дрездена, а затем — пограничного городка Гляйвица.

В августе 1943 года Фельфе был переведен в VI управление Главного управления имперской безопасности (внешняя разведка). Спустя некоторое время он стал руководителем отдела по Швейцарии.

В конце войны его в звании гауптштурмфюрера СС направили в Нидерланды для организации заброски диверсионных групп в тыл американско-английских войск. Правда, выполнить данное задание Фельфе не успел, поскольку в мае 1945 года попал в плен к англичанам. Из плена был освобожден в октябре 1946 года.

Затем он недолгое время работал на британскую секретную службу МИ-6 в Мюнстере (сообщил о коммунистической деятельности Кёльнского университета), однако вскоре сотрудничество было прекращено, так его подозревали в том, что он работает как двойной агент.

После работы в МИ-6 Фельфе поступил в Боннский университет и продолжил обучаться на факультете государства и права. Затем он некоторое время работал журналистом, объездил всю Германию, часто посещая советскую зону оккупации, где проживала его мать.

Тогда же он стал периодически встречаться с бывшим сослуживцем по VI управлению РСХА гауптштурмфюрером Гансом Клеменсом, еще не зная, что последнего еще в 1949 году завербовал сотрудник дрезденского оперативного сектора аппарата уполномоченного МГБ СССР в Германии Иван Сумин. От «Хане» (оперативный псевдоним Клеменса) были получены сведения о деятельности германских спецслужб в годы войны, а также установочные данные на их сотрудников. Среди прочих Клеменс упомя-

нул и Фельфе, которого охарактеризовал как способного, порядочного и весьма честолюбивого человека.

Тогда же «Хане» получил задание внедриться в «Организацию Гелена». Данная структура начала формироваться еще в 1946 году под неусыпным контролем США. А ее активная деятельность против советских оккупационных войск в Германии и Австрии, а также подрывная работа против ГДР заставляла советскую разведку предпринимать серьезные контрмеры. В 1950 году «Хане» был зачислен в штат «Организации Гелена».

Тем временем сотрудники разведотдела аппарата уполномоченного МГБ в Германии, проанализировав данные о бывших сотрудниках СД, полученные от Клеменса, пришли к выводу, что Фельфе является перспективным кандидатом на вербовку.

Выйти на Фельфе было решено через Клеменса, который на правах старого знакомого мог говорить с ним достаточно откровенно.

В конце лета 1950 года они встретились за ужином в ресторане. В ходе беседы Клеменсу удалось убедить Фельфе в том, что русские не только лучше относятся к немцам, нежели американцы и англичане, но, в отличие от них, до образования в 1949 году ФРГ неоднократно выступали за объединение Германии. Аргументы Клеменса показались Фельфе убедительными, и он согласился встретиться с представителем советской разведки. Эта встреча состоялась через месяц, но согласие работать на Москву Фельфе дал только 11 августа 1951 года.

Учитывая прошлое Фельфе, Сумин рекомендовал ему поступить на службу в «Организацию Гелена». Однако первые две попытки попасть на работу в ОГ не увенчались успехом. И только осенью 1951 года с помощью Клеменса и своего знакомого Вилли Кирхбаума, служившего в годы войны в тайной полевой полиции (ГФП), он получил предложение перейти на службу в Пуллах.

Его зачислили в генеральное представительство «L» «Организации Гелена» в Карлсруэ. Оно действовало под вывеской торговой фирмы, шефом которой был бывший сотрудник абвера Бенцингер. Работа началась с изучения архивных дел и поиска кандидатур для вербовки. Здесь Фельфе столкнулся с тем, что геленовская разведка работала не только против Востока. Как он сообщал в Центр, в 1951-м и 1952 годах генеральное представительство интенсивно работало над приобретением агентуры в ключевых экономических и политических сферах ФРГ и Западного Берлина. Заводились досье на ведущих политиков не только правящих партий, но и оппозиционных.

Работа Фельфе в «Организации Гелена» и одновременное сотрудничество с советской разведкой требовали предельной осторожности и безоговорочного выполнения всех требований конспирации. На каждую встречу с советским разведчиком Фельфе или Клеменс, который тоже стал работать в организации Гелена, привозили по 10–12 отснятых фотопленок и пару магнитофонных катушек. Спустя год с разрешения Москвы Фельфе начал использовать в качестве связника еще одного своего коллегу, Эрвина Тибеля. Таким образом, постепенно сложилась агентурная группа, где лидером являлся Хайнц Фельфе — интеллеktуал и отличный организатор.

Вскоре Москва поставила перед Фельфе очередную задачу — перевестись в центральный аппарат «Организации Гелена», расположенный в небольшом городке Пуллах, под Мюнхеном. В июле 1955 года канцлер Аденауэр принял решение о реорганизации разведывательной службы государства. Он хотел создать самостоятельную разведывательную службу, вне контроля ЦРУ.

В 1958 году, два года спустя после переименования «Организации Гелена» в Федеральную разведывательную службу (БНД), Фельфе возглавил реферат «Советский Союз» в отделе 111-Ф (контршпионаж) и одновременно стал правительственным советником. Коллеги из рефера-

та «ГДР» завидовали Фельфе, так как его дела шли лучше, чем у них. Вскоре он купил дом в Баварии, и многие сослуживцы стали задаваться вопросом, откуда такие средства. За Фельфе уже было установлено наблюдение.

С 1956 года с ним регулярно встречался сотрудник советской резидентуры в Германии Виталий Коротков. Много лет спустя он рассказал:

«Тогда я работал в берлинском представительстве КГБ. Мне поручили принять на связь ценного источника „Курта“. Первая встреча с Фельфе состоялась на конспиративной квартире. В комнату вошел высокий худощавый человек. Держался он скромно, но с достоинством. Не тратя времени на пустые разговоры, перешел к делу. Хайнц говорил, взвешивая каждое слово, стараясь довести до собеседника самое важное.

Мне приходилось тщательно готовиться к каждой встрече, подыскивать подходящие места. По роду своей службы он приезжал в Западный Берлин для консультаций с американцами, а после бесед с ними тайно виделся со мной. Случались и казусы. Так, однажды наша встреча была замаскирована под безобидный пикник на природе. Хайнц, как обычно, передал мне ценные сведения. Вдруг мы заметили, что к нам приближается человек в форме. Обоих обожгла мысль: „Неужели это провал? Что делать?“. Пришлось напрячь всю волю, чтобы подавить волнение и не выдать себя. А человек в форме оказался обычным лесником».

Благодаря Хайнцу Фельфе советская разведка не имела ни единого провала в ФРГ. Рейнхарда Гелена эти провалы контрразведки навели на мысль, что утечка исходит из его службы. Позже в своей книге он напишет:

«Под моим личным руководством небольшая группа надежных и избранных сотрудников продолжила перепроверку, пока через несколько месяцев кропотливой работы, похожей на складывание мозаики, подозрительные моменты не превратились в общую картину».

В октябре 1961 года Фельфе попросил у руководства БНД отпуск. Он надеялся, что, отдохнув от двойных нагрузок, поработав в саду своего загородного домика, он сможет обрести душевный покой и бодрость духа. Но уже через несколько дней после отъезда в свой дом, находившийся на границе с Тиролем, Хайнц Фельфе получил приказ срочно выехать в Пуллах. Ему надо было явиться к уполномоченному Гелена генералу Лангкау для доклада по одной операции.

6 ноября 1961 года Фельфе прибыл для доклада. После окончания беседы с Лангкау в кабинет вошли чиновники криминальной полиции, которые объявили Фельфе, что он арестован. Одновременно были взяты под стражу и другие члены его разведывательной группы.

В период с 1951-го по 1961 год Фельфе и его соратники-агенты передали советской разведке около 300 микропленок, содержащих свыше 15 тыс. фотокопий секретных документов, 20 магнитофонных записей, в том числе — секретные отчеты БНД, ежемесячные отчеты контрразведки и сообщения Федерального ведомства по охране конституции об операциях против агентов восточноевропейских стран, ключи к кодам, данные о тайниках и маршрутах курьеров БНД. Фельфе выдал советской разведке имена 94 западногерманских агентов. Гонорары его составили 150 тыс. марок ФРГ.

Фельфе отказался сотрудничать со следствием и в 1963 году был приговорен к четырнадцати годам лишения свободы. Восемь из них он провел в тюрьме в Баварии. Ему предлагали написать книгу о том, как он работал на русских, сулили миллион долларов в качестве гонорара. Но Фельфе не согласился.

17 февраля 1969 года Фельфе удалось обменять на восемнадцать агентов западногерманской и троих агентов американской разведки. Сама процедура обмена, как вспоминает Виталий Коротков, прошла буднично.

«Обмен состоялся на пограничном переходе Херлесаузен между ГДР и ФРГ. С восточной стороны к КПП подъехал автобус с западными шпионами. С западной — легковушка с одним-единственным человеком, которому не было цены».

За выдающийся вклад в укрепление безопасности Советского Союза, за многолетнее плодотворное сотрудничество с советской разведкой указами Президиума Верховного Совета СССР Фельфе был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Руководство КГБ вручило разведчику нагрудный знак «Почетный сотрудник госбезопасности».

До 1978 года Фельфе жил в Москве, а затем переехал в Берлин, где занял пост профессора криминалистики в Университете им. Гумбольдта в Берлине.

Умер он 8 мая 2008 года в Берлине*.

Александр Север

* *Карих М.* Звезда Хайнца Фельфе // Военно-промышленный курьер. 2008 год. 19 марта; *Иванов Д.* Ветеран разведки Виталий Коротков: «Курта» обменяли на целый автобус западных шпионов // Известия. 2007 год. 20 декабря; *Егоров В.* Под боком у Гелена // Сб. Профессия: разведчик. Д. Блейк, К. Фукс, К. Филби, Х. Фелфе. — М., 1992. — С. 293–366; *Дегтярев К.* Внешняя разведка СССР. — М., 2009. — С. 703; *Север А.* Мост шпионов. — М., 2015. — С. 132–135.

От автора

Эта книга написана в 1985 году. В ее основу легли записи, сделанные мной весной 1969 года — вскоре после освобождения из тюремного заключения в ФРГ, — в которых я зафиксировал свои воспоминания (в первую очередь для себя самого) о годах Второй мировой войны и наступившей затем конфронтации между Востоком и Западом. О публикации книги тогда еще не думал. Однако, когда в 1985 году мое имя стало все чаще называться в прессе ФРГ и других стран Запада в связи с разоблачениями боннских шпионских афер, я решил сказать свое слово и опубликовать эту книгу, вначале в Федеративной Республике Германии.

Я хотел показать, что вопреки решениям держав-победительниц часть генерального штаба вермахта «третьего рейха», не понеся никакого ущерба и не пройдя демократического перевоспитания, продолжила прежнюю работу 12-го отдела генерального штаба под названием «иностранные армии Востока», а именно: ведение разведки против Советского Союза и других социалистических стран. Вначале под патронажем американцев, а с 1956 года в рамках самостоятельной федеральной разведывательной службы (БНД).

Я постарался объективно показать свой жизненный путь, который привел меня от службы в нацистском Главном управлении имперской безопасности к работе разведчика-интернационалиста. В западногерманском издании я использовал материалы из различных архивов. Для читателей этого издания некоторые места получили дополнительные пояснения, отдельные, разрозненные отрывки на сходные темы собраны воедино, убраны некоторые повторы, вкравшиеся опечатки и неточности.

*Хайнц Фельфе
Берлин, осень 1987 года*

Часть первая

ШПИОНАЖ В ПОЛЬЗУ ВОЙНЫ

Годы учебы

В детстве я не высказывал определенного желания относительно будущей профессии. Я только знал, что не хочу быть чиновником, как мой отец. Скорее меня влекло к техническим специальностям, хотел стать инженером, например.

Но это никак не касалось моего отношения к отцу. Чистый и честный по характеру, прямолинейный по своим политическим взглядам, он многое дал мне и решающим образом повлиял на формирование моего характера. Для меня он, если не брать его профессию, был примером. После окончания военной службы отец поступил на работу в полицию и дослужился до должности начальника отдела по наблюдению за нравами в Дрездене. Отец был начитанный, стремящийся к расширению своего кругозора человек. Раз в месяц он обязательно ходил в оперу. От него я унаследовал тягу к знаниям, хотя в школе это на первых порах и не проявлялось. Каждую субботу я получал от него в подарок книгу. К дням рождения, рождеству и другим памятным датам от отца и других родственников я получал в среднем ежегодно до 20 книг, и скоро моя библиотека стала очень большой. К сожалению, она была полностью уничтожена 13 февраля 1945 года во время англо-американского воздушного налета на Дрезден — город Августа Сильного и Сикстинской мадонны.

Кроме того, отец для меня являлся олицетворением доброты. Он никогда не поднимал на меня руку, потому что был убежденным противником насилия в любой форме.

В 1928 году отец вышел на пенсию. Над Германией в это время начали сгущаться зловещие тучи экономического кризиса, безработицы и ожесточения политических нра-

вов. Беспомощно и с разочарованием смотрел он на развитие событий, на крах своей мечты о спокойной и обеспеченной старости. Теперь пришлось приспосабливаться к существующим условиям. Однако нужда не поселилась в нашем доме, у нас даже еще оставались средства и на то, чтобы оказывать помощь другим.

Как чиновник отец отличался исключительной пунктуальностью. Даже почерк его мог служить образцом каллиграфии. Став пенсионером, он по-прежнему не терпел расхлябанности. На каждый день и неделю у него всегда имела четкая программа.

Отец был беспартийным и считал, что чиновнику заниматься активной политической деятельностью не следует, хотя он должен обладать активным политическим мышлением. Это, по его мнению, было необходимо для того, чтобы, во-первых, всегда действовать «в высших интересах немецкой нации» и, во-вторых, сохранять «собственное критическое политическое суждение». Так отец последовательно воспитывал и меня.

Он любил Германию, гордился вкладом своей родины в мировую культуру. Политическую и моральную этику немецкого чиновника отец видел в том, чтобы верно служить своему отечеству и подчинять ему личные интересы. Дисциплина, порядок и прилежание были для него неприкосновенными добродетелями и решающими факторами, которые, по его мнению, должны гарантировать внутреннюю сплоченность всего немецкого народа. Действовать в этом направлении он считал своим высшим патриотическим долгом. Отсюда логически следовало, что нарушение дисциплины и порядка является предательством интересов Германии, подрывом ее национальных устоев, ее добродетелей и силы независимо от того, с чьей стороны это нарушение исходило. В этой связи он выступал даже за чрезвычайные меры, если существующие законы не обеспечивали спокойствие и порядок, отдавал приоритет военным мерам перед политическими, юридическими, экономическими и другими соображениями.

Отец считал, что на Германии в историческом и географическом плане лежит особое обязательство быть для

народов Европы образцом порядка и дисциплины. Таким был мой отец. Когда я, находясь в плену в Нидерландах, узнал о его смерти, то пролил немало слез.

О моей матери мало что можно сказать. Она была второй женой отца и на двадцать лет моложе его. Очень энергичная, а иногда импульсивная, она определенным образом дополняла по характеру отца. Ее родители имели дело в Баутцене*. Когда в городе бывали базарные дни, сорбские крестьяне оставляли свои товары в доме бабушки и дедушки, где я часто гостил. Беседы с крестьянами для меня всегда оказывались интересными, и я даже познакомился поближе с одним пареньком из их среды. Позже он стал священником. Для сорбского крестьянского сына это кое-что значило. Во времена нацизма я с ужасом узнал, что его арестовали. Впечатления от тесного общения с сорбами (мой отец тоже говорил по-сорбски) были одной из причин того, что я никогда не мог понять и тем более одобрить расовую теорию нацистов.

Школа, в которую меня отдали родители по рекомендации одного знакомого профессора педагогики, была основана в Дрездене после Первой мировой войны и считалась передовым для того времени государственным учебным заведением. В процессе обучения в ней опробовались и применялись новейшие знания в области педагогики и юношеской психологии. Для новичков эта школа выглядела, наверное, чем-то вроде страны чудес. Совместное обучение мальчиков и девочек, обмен учениками между классами, регулярное пребывание одного из классов в полном составе в школьном интернате в сельской местности — конкретные примеры новых для того времени методов школьного воспитания. Развитие на специальных курсах музыкальных способностей или склонности к ремеслам было так же естественно, как и преподавание в небольших по числу учеников — от 15 до 30 человек максимум —

* Город в области, заселенной преимущественно сорбами — славянским меньшинством в Германии, сейчас входит в состав ГДР. — *Прим. перев.*

классах. Столы и стулья для учащихся с первого класса, практическая работа с микроскопом и инструментами для анатомического препарирования, с теодолитом и мерной рейкой, регулярная демонстрация кинофильмов и ежегодные выборы директора школы коллегией учителей — все это являлось новшеством для двадцатых годов.

Непререкаемым принципом считалось, что каждое мнение заслуживает внимания, если оно излагается серьезно и обоснованно и если даже с ним не согласны остальные. Контраргументы требовалось также всегда высказывать открыто. Так, при содействии учителей уже в ранние годы у учеников воспитывалось чувство уважения к духовному миру и уровню других. Сами учителя вели преподавание в таком же духе.

В школе уделялось также должное внимание спортивной подготовке. Моим тщеславным желанием было войти в число лучших по этому предмету, что мне часто и удавалось. Регулярно мы совершали туристские походы, которым очень радовались. И единственное, что омрачало тогда нашу жизнь 10–12-летних подростков, так это необходимость после двух походов писать сочинение о своих впечатлениях.

В школе не выставляли оценок в обычном смысле, а выносили суждения. Поскольку преподавательский состав и учебный план являлись для того времени прогрессивными и никак не соответствовали господствующим тогда представлениям, школа вскоре прослыла «красной». Действительно, часть учителей находилась под влиянием социалистических идей, поэтому многие семьи из прогрессивных кругов посылали своих детей именно в эту школу. Это привело к тому, что разница в социальном положении семей и их политических взглядах не являлась барьером между учениками, как в других школах, терпимость ко взглядам других и дружеские чувства были в порядке вещей.

Из того, что мне дала школа, помимо общеобразовательных знаний следует отметить основы ремесла и развитие музыкальных задатков. Я посещал уроки игры на фортепьяно и виолончели. В школьном оркестре играл на

виолончели, а также на контрабасе. В это же время у меня пробудился интерес к социальным вопросам, политике и особенно истории. Контакт со школьными товарищами из семей с марксистской ориентацией, вся атмосфера в школе способствовали тому, что я никогда не испытывал страха перед коммунизмом или коммунистами, присущего немецкому бюргерству, и впоследствии это значительно облегчило мне принятие личных решений.

Эта школа, носившая имя Альбрехта Дюрера, на десятилетия предвосхитила свое время. Поэтому естественно, что после 1933 года* она никак не вписывалась в структуру страны и после нескольких неудачных попыток привести ее в соответствие с господствовавшими представлениями была закрыта в 1936 году. Некоторых учителей еще до этого либо уволили, либо направили в другие школы.

Но я к тому времени уже решил оставить школу и заняться практической подготовкой к профессии инженера. Я, конечно, сожалел, что школу закрыли, но о причинах этого особенно не задумывался.

Среди молодежи того времени считалось хорошим тоном входить в скаутские организации. В десять лет я также вступил в союз свободных скаутов, который откололся от объединения немецких скаутов. Руководителем свободных скаутов являлся местный врач, с его племянником я дружил. Но эта группа, стоящая на довольно левых позициях, вскоре самораспустилась. Затем я вступил в национал-социалистский союз учащихся. Мое решение не было политическим, поскольку такового трудно ожидать от мальчика в тринадцать лет. Это была скорее реакция противодействия, потому что саксонское министерство культуры в 1931 году запретило принадлежность к союзу. Для молодежи запретный плод сладок как тогда, так и сейчас, не важно, идет ли речь о набеге на чужие яблони или о предписании соблюдать покой и порядок.

Когда 30 января 1933 года президент Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером и поручил ему формиро-

* Год прихода Гитлера к власти. — *Прим. перев.*

вание правительства, в родительском доме это было воспринято без всяких эмоций. За минувшие годы было слишком много выборов в рейхстаг и новых правительств, которые приносили только разочарование. Единственное, на что надеялись мои родители — и эту надежду разделяли очень многие, — что наконец будет найден выход из экономического беспорядка и нищеты.

Еще перед приходом Гитлера к власти национал-социалистский союз учащихся распустили и он полностью вошел в состав организации «гитлерюгенд» («гитлеровская молодежь»). Но шумливая деятельность местного руководства этой организации меня не устраивала, и между нами сразу же возникли конфликты. Кроме того, во мне усмотрели «идейного уклониста», причислив к сторонникам отколовшейся от НСДАП фракции под названием «Черный фронт», которая считалась «социал-революционной». Повидимому, это послужило причиной того, что меня решили куда-нибудь сплавить и затем письменно уведомили о моем переводе в состав отрядов СА. Я воспротивился, потому что мне в то время еще не исполнилось восемнадцать лет. До 18 марта 1936 года, то есть до моего восемнадцатилетия, я как бы находился в «политическом отпуске». Но после руководство организации «гитлерюгенд» вновь решило направить меня в СА, однако я и на этот раз не согласился. «Если уж куда-нибудь идти, — говорил я, — то лучше в СС, я не хочу иметь ничего общего с этими хулиганами из СА». СС казалась мне более благородной и солидной организацией. Ее подлинное лицо я, конечно, тогда распознать не мог, тем более что все прикрывалось большой демагогией. В СС я стал членом автоклуба и получил права на вождение автомашины и мотоцикла, а также на участие в мотокроссах. Будучи молодым и здоровым, я радовался возможности найти в этом клубе выход своей энергии и азарту.

Я был убежден, что Гитлер дал наконец немецкому народу то, в чем он нуждался в смутное время Веймарской республики: ясную цель, строгий порядок и дисциплину. Во всяком случае, так думал мой отец, и я считал, что